

Г.Ф. Миллер и его "описание трех языческих народов в казанской губернии"

[А.Е. Загребин](#) (Ижевск)

Герхард Фридрих (в русском обиходе Федор Иванович) Миллер (1705 – 1783) родился в небольшом вестфальском городке со славным ганзейским прошлым – Герфорд. Отец его, являясь лицом духовного звания, исполнял должность ректора местной гимназии, а мать происходила по одним сведениям из купеческого сословия, по другим данным из семьи профессора-богословия [1]. Выделявшаяся среди других бюргеров своей ученостью семья не могла не дать своим детям того импульса, который можно определить как тягу к знаниям, к новизне открытия. Даже, если это открытие ждет на страницах следующей по счету книги домашней библиотеки.

Освоив положенный школяру курс наук, юный Г.Ф. Миллер был зачислен в число студентов Рингельнского университета. Из всего спектра гуманитарных наук, он более всего имел склонность к истории, или вернее будет сказать к «полигистории» как наследнице накоплений, сделанных предыдущими поколениями интеллектуалов. Недифференцированное ещё историческое знание базировалось на штудировании трудов античных авторов, зарождавшейся критике средневековых писателей и самое главное приучало неофитов к упорядоченному восприятию огромных объемов фактической информации. Неслучайно современники Г.Ф. Миллера, а за ними историографы, затрудняясь конкретно обозначить область его первоначальной специализации, отмечали, что «книговедение и история науки ему были по сердцу ещё со времен отцовского дома» [2]. Нельзя также не учитывать традиционного интереса немецкой студенческой молодежи к философии, классическим языкам и расширяющегося увлечения вопросами научно-практического синтеза.

Стремясь как можно скорее выйти в люди, в мир самостоятельной деятельности, Г.Ф. Миллер отправляется в один из культурных центров тогдашней Германии – Лейпциг. Было хорошо известно, что саксонский курфюрст и одновременно король Польши Август II Сильный, славится как меценат, покровитель искусств и наук. Было известно и другое, что он является большим другом московского царя Петра I, в союзе с которым одержал победу над казавшимися прежде непобедимыми шведами. Возможно, что именно в Лейпциге у молодого бакалавра возникла идея

отправиться в далекую, страшную, но заманчивую страну, где многие вчерашние студенты уже сделали блестящую карьеру, подобно недоучившемуся в Йене студенту-теологу А.И. Остерману[3]. Как писал впоследствии А.Л. Шлецер, многие отправлялись в Россию «не только без всяких рекомендаций, но и с последним червонцем в кармане»[4].

В России:

Двадцати лет отроду Г.Ф. Миллер приехал в Санкт-Петербург и, если не считать академической командировки в Англию, Голландию и Германию в 1730 – 1731 гг., в европейские институты он более не возвращался и, кроме того, приняв в 1748 г. российское подданство навсегда связал себя с Россией. В новой столице империи, Г.Ф. Миллер находясь ещё в скромном звании «студента», начал свою преподавательскую деятельность, как он сам пишет в «вышнем классе гимназии..., особливо же преподавал я наставления в латинском языке, в истории и в географии»[5]. Речь идет о гимназии учрежденной при Академии наук, где за нехваткой адъюнктов и нежеланием многих профессоров, с учениками работали наставники, сами недавно вставшие с учебной скамьи[6]. По всей видимости, продемонстрировавший здесь свои полифункциональные способности Г.Ф. Миллер обратил на себя внимание, пожалуй, самого влиятельного чиновника российской Академии наук – библиотекаря И.Д. Шумахера.

Неустойчивость личного положения подсказывала ему необходимость обзавестись нужными знакомствами и возможными покровителями. Определяющую роль в этом отношении сыграли его исследования «родословной двора и знати» и редактирование в 1728 – 1730 гг. «Санкт-Петербургских Ведомостей» с «Приложениями» на русском и немецком языках. Умение правильно подать новости, интерпретировать светские толки и при этом приобщать общество к восприятию культурной информации, пригодится ему при дальнейших вращениях в элитарных кругах. Другим успехом этих лет было допущение Г.Ф. Миллера к академической «архиве» и утверждение в должности суббиблиотекаря. Но счастье, грезившиеся ему в допуске к библиотеке и в руке дочери академического советника Шумахера, оказалось несбыточным. Игры с властью и несдержанный характер нажили ему немало недоброжелателей, в этой связи административная составляющая карьеры, казавшаяся прежде доминирующей, стала под вопросом. Нужно было принимать нестандартное решение подобное тому, на что он решился, покидая тихую и ухоженную родину.

Задуманные ещё Петром I академические экспедиции должны были шаг за шагом изучить богатства огромной страны, дать государству научно обоснованную картину прошлого и настоящего составляющих Россию территорий и, прежде всего, её восточных областей. Одним словом, идея экспедиции как специального «ученого путешествия», предоставляющего возможность самостоятельно добывать опытный материал, в буквальном смысле витала в интеллектуальной атмосфере эпохи. Добровольно вызвавшись в 1733 г. отправиться в Сибирь, Г.Ф. Миллер, с большим скрипом утвержденный несколькими годами ранее в должности профессора истории, должен был на практике доказать академикам свою профессиональную состоятельность. Через десять лет, пойдя по пути наибольшего сопротивления, он вернется в столицу уже маститым ученым, а это позволит ему признаться в том, что «без этих странствий, мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания»^[7].

В дороге:

Проштудировав перед отъездом в экспедицию ряд описаний путешествий по восточной России, Г.Ф. Миллер, по-видимому, понял, в чем состоит основной изъян, присутствующий в работах предшествующих авторов – для интересующейся европейской публики, все земли лежащие к востоку от Урала, по прежнему были суть Великая Татария, или, скорее, «Тартария». И, беглыми путевыми записками, пусть дополненными многочисленными компиляциями, внести ясность в проблемы этногенетического характера невозможно. О том, что данное убеждение стало в это время очевидным, свидетельствуют близкие по содержанию высказывания Ф.И. Страленберга и И.Г. Гмелина. Преодолеть область историко-географического мрака, он предполагал при помощи изучения и извлечения сведений из провинциальных архивов. Г.Ф. Миллер сам пишет: «Понеже при отправлении моем в Сибирь главное намерение к тому склонялось, чтоб историю сей пространной земли обстоятельно описать, чего ради имел я позволение во всех сибирских городах канцелярские архивы пересматривать, и что к тому намерению годно казалось, отдавать списывать, то я по должности своей большую часть моих трудов положил...»^[8].

Имея лишь начальные представления о специфике архивных изысканий, он с успехом компенсировал их природным трудолюбием и, как оказалось, умением организовать исследовательский процесс. Не зная ещё твердо, на первых порах, русского языка, а тем более «канцеляризм» допетровской России, Миллер обучался на ходу. Позволить себе проявить не

компетентность могло стоить слишком дорого, поэтому работа в его экспедиционном отряде была заведена подобно механизму, где каждый элемент выполнял свою, четко обозначенную функцию. Студенты и вольнонаемные переводчики, копиисты и проводники представляли собой своеобразный цех, обеспечивающий поиск и первичную обработку исследовательского материала, чувствуя порой строгий нрав профессора. Как старшина этого цеха, Г.Ф. Миллер брал на себя ответственность за селекцию материалов, подготовку «обсерваций» и рапортов в Академию наук. Скоро обнаружившаяся неспособность провинциальных архивов пролить свет на древнейшие пласты региональной истории, не поставила его в тупик. Почти с самого начала полевой деятельности, участники его экспедиционного отряда ездили по селам, деревням и стойбищам в поисках, как мы бы сейчас сказали, ключевых информантов – знатоков исторических преданий и легенд.

Г.Ф. Миллер пишет, что всему путешествию сочинил он точное описание. «Все дороги коими я ездил, описал обстоятельно, некоторые дороги описаны и приданными мне студентами, о городах и их уездах, в рассуждении гражданского правления, истории и географии, собирал я потребные тому известия; пересмотрел и в порядок привел архивы во всех сибирских городах, так же и города Чердына, и нужное списал, которые списки составляют больше 40 больших книг в десь; остатки древностей я описал и велел изобразить в лицах; нравы, употребления, законы и пр. тамошних народов описал же; новые ландкарты отчасти сам делал, отчасти ж геодезистов, при мне бывших, делать заставлял; канцелярские и секретарские дела путешествующего академического общества все отправлял я и господину Гмелину помогал я в набирании натуральных редкостей»[\[9\]](#). Добавить к этому можно только лишь тот факт, что общая протяженность его маршрута составила, по его собственному же расчету, 31 362 версты.

О методе и школе:

А.Л. Шлёцер, классифицируя различные поколения ученых-историков, выделял три основных типа: историк-собираатель, историк-исследователь и историк-повествователь[\[10\]](#). Г.Ф. Миллер в большей части своих трудов принадлежит к первой группе ученых, чей научный потенциал реализовался в поиске и архивировании разнородного исследовательского материала. Не имея за плечами качественной теоретико-методологической подготовки, или, проще говоря, школы, ему пришлось до многих вопросов доходить в буквальном смысле опытным путем. Он сам признавался, что на первых порах имел весьма смутное представление о том, что ему следовало

требовать и о чем спрашивать[11]. В этом случае Миллеру пришлось самому организовать для себя школу, которая посредством анализа повседневной работы приблизила его к пониманию изучаемого предмета.

Примером становления его этнографического мировосприятия является составленная им, прежде всего для себя инструкция, озаглавленная «О истории народов» предусматривающая изучение происхождения местных народов, их истории, изначальных мест обитания и миграций, религиозных культов, обычаев и обрядов, семейно-брачных отношений, торговых и хозяйственных занятий, ремесел, общественной и военной организации, системы управления, а также графическую фиксацию народной одежды, предметов быта и культовых вещей. Перечень данных исследовательских позиций указывает на стремление автора к раскрытию истории, посредством обращения к информации народоведческого содержания. Дальнейшую методическую разработку принципов полевой работы он продолжил уже в Сибири, подготовив пространную инструкцию из 1287 статей, причем, 923 статьи входят в раздел «Об описании нравов и обычаев». Этнографическая часть его инструкции озаглавлена особо «Наставление о том, на что надлежит обращать внимание при описании народов, в особенности сибирских». По отзыву М.О. Косвена, «Наставление...» Г.Ф. Миллера представляет собой замечательный этнографический документ, достойный использования в современной полевой этнографической практике[12]. Отдельную инструкцию он подготовил для присоединившегося к нему в 1740 г. адъютанта И.Э. Фишера, чьи историко-этнографические и особенно лингвистические собрания в Сибири не в последнюю очередь обязаны методическому обеспечению исследования[13].

А.Л. Шлёцер со свойственным его натуре юмором относившийся к чужим авторитетам и к миллеровскому в том числе, приехал учиться в Россию не к поседевшим над книгами академикам, а к суровому, уже отосланному в почетную ссылку в Москву, историку и этнографу, так и оставшемуся в понимании многих – самоучкой.

Г.Ф. Миллер как автор «Описания...»:

Осенью 1733 г. профессор истории Г.Ф. Миллер с товарищами по «Великой Северной (2-й Камчатской) экспедиции» прибыл в пределы Казанской губернии, где приступил по заданию Санкт-Петербургской Академии наук к изучению поволжских народов и памятников старины. Результатом их пребывания в пределах губернии стали записки, положенные

в основу более серьезных академических работ, в частности его «Описания трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков»[14]. Работа была опубликована в редактируемых автором «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих» в 1756 г., то есть двадцать три года спустя после знакомства с Волго-Вятским регионом и его жителями[15]. Неслучайно, сам путешественник просит читателей: «...чтоб ему в вину ставлено не было, ежели перемены такая примечены будут, о которых он в толь давнем расстоянии ныне проведать не мог»[16].

В структурном отношении исследование состоит из восьми глав: «О их жилищах и гражданских распорядках», «О их качествах телесных и душевных», «О одежде их», «О пропитании, промыслах и торгах их», «О языках, художествах и науках их», «О естественном их законе, и какое имеют они понятие о боге и о божественных делах», «О языческом их законе и принадлежащих к оному обрядах», «О светских обыкновениях их», что на первый взгляд представляет его как сравнительно-этнографическое описание, исполненное в духе европейской литературы об экзотических уголках ойкумены и получившей широкое распространение в эпоху Просвещения[17]. Стилистическая и языковая символика текста фиксирует расположение автора по отношению к описываемым событиям и артефактам, позволяя установить тщательное наблюдение за его движением в исследуемом пространстве. А, самому повествованию придает необходимую образность, привязку к месту и времени, в свою очередь, предоставляя возможность автору описать результаты своих поисков в «...гладких нейтральных и надежных словах»[18].

Слово ученого, наряду с констатацией эмпирического материала, также проявляется в отрывках определяемых Р. Бартом в качестве «политического письма», заявляющего о коренной причастности автора к конкретному социальному слою или, проще говоря, принуждая его вставать на сторону тех, в чьих руках власть[19]. Особые отношения с властью в целом станут одной из характерных черт в организации полевых исследований в России и горизонт языка, с помощью которого интерпретировались полученные сведения, будет служить своеобразной меткой-ярлыком социальной благонадежности. Миллеровский текст в этом отношении практически безупречен, оговаривая авторские дерзания соображениями государственной пользы. Вместе с тем, Г.Ф. Миллер не мог не позаботиться о форме изложения, учитывая, что его публикация должна была послужить и увеселению. Таким образом, произведение в идеале должно было совместить

академичность стиля и увлекательность языка, при этом автор должен был недвусмысленно подчеркнуть научную правоту своих рассуждений.

Культурный ландшафт:

«Описание...» вбирает в себя этническую территорию марийцев, чувашей и удмуртов, определяемую автором с помощью нескольких ключевых топонимов и гидронимов. Во-первых, это административный центр губернии – Казань. Во-вторых – бассейн р. Волги (в случае с удмуртами делается оговорка, указывающая на тяготение их поселений к реке Вятке), организующей одомашненное, но до поры скрытое от непосвященного наблюдателя пространство, ибо: *«Множество находящихся в сих местах лесов есть тому причиною, что все вышепомянутые народы жилища имеют или в лесах, или между лесами, и к поселению своему выбирали такие места, что каждая деревня построена при нарочитой реке, или речке, или озере...»*[\[20\]](#).

Склонность путешественника к рациональному восприятию и освоению окружающего проявляется в специальном абзаце, посвященном региональным мерам расстояния: *«Между Волгою и Камою реками по дороге от Казани до Осы, и от Осы до Соликамской и до Чердыня, расстояния мест числятся не верстами, как обыкновенно в России, но Чумкасами»*[\[21\]](#). Причем слово «Чумкас», как и многие другие выделяемые по смыслу понятия и термины, пишется автором с большой буквы, что может указывать на «выделенность» этого нового понятия из общего повествовательного контекста, как и на общую «выделенность» региона из общероссийской пространственно-географической среды. Написание термина с большой буквы может также трактоваться в качестве привычной для него системы написания имен существительных в родном немецком языке, который, по-видимому, обозначал для автора не только зримые образы, но и выдавал изначально заложенную оценочную систему. В связи с чем, неслучаен следующий отрывок: *«Можно Чумкас без дальнейшей ошибки сравнить с немецкой милею, коих 15 содержится в градусе Экватора»*[\[22\]](#).

Поселенческая структура трех описываемых народов рассматривается в связи миграционными процессами в крае, где чересполосное расселение уже давно стало реальностью, подчеркивая, что лишь удмурты: *«...столь не обходительны, что с помянутыми народами сообщения не имеют, но живут везде особо»*[\[23\]](#). Миллер замечает также, что к названиям некоторых деревень удмурты: *«...прибавляют слово Пилга, а к другим не прибавляют,*

чему они причины показать, ни слово Пилга изъяснить не могут: но только объявляют, что оныя места их предками так прозваны»[\[24\]](#). Со своей стороны, осмелюсь предположить, что родовое имя «Пельга», действительно не редко встречающееся в этнокультурном ареале удмуртов, само дает некий намек на отмеченную автором «не обходительность» удмуртов[\[25\]](#). В условиях усиливающейся в крае миссионерской деятельности русской православной церкви составные элементы традиционной религии по возможности скрывались[\[26\]](#). Соответственно, консервация имела место и в тесно связанной с ней поселенческой структуре этноса. Возможно, поэтому Г.Ф. Миллер, лишь кратко ознакомившись с религиозно-мифологическими представлениями в крае, не стал первооткрывателем воршудно-родовой организации удмуртов.

От наблюдателя не укрылось вялое течение урбанизационных устремлений «трех языческих народов в Казанской губернии», которые в отличие от татар не живут вместе с русскими ни в городах, ни в слободах. Структурообразующий импульс государства, тем не менее, строящего иерархическую вертикаль посредством приобщения к городской культуре находит свою отображение в системах власти, где имперский интерес сочетается с элементами местного самоуправления: *«Все вышеописанные народы состоят в команде у градских командиров; но им дозволено выбирать из своей братьи сотников, выборных, старост и десятников для суда и расправы в их деревнях...; а буде явится кто в важном каком преступлении, то такого отсылают в город за караулом»*[\[27\]](#). Рядом с модернистскими тенденциями, Г.Ф. Миллер отмечает распространенную у марийцев и удмуртов традицию к перемене места жительства по причине неудовлетворенности ранее сделанным выбором. С несвойственной для него легкостью, он выводит её из «бродячего» прошлого народов, правда с некоторой долей «кажимости» пишет, что: *«...сие обыкновение переселения с места на место осталось еще от древних Гамаксобитов, которому последуют и ныне во всем Калмыки, Мунгалы и другие кочующие народы»*[\[28\]](#).

Природно-географический и хозяйственный детерминизм служит для исследователя свидетельством наличия определенной рациональности в жизнеустройстве местных народов, в частности, в определении размеров и численности своих поселений: *«...есть пониже устья Камы реки Чувашская деревня, ликтубаева называемая, которая состоит более как из 200 дворов. Вотяки ставят обыкновенно в деревнях своих дворов по 20, по 30 и по 40,*

смотря по тому, сколько им в диких лесах под жилье свое места занять, или для себя и скота довольно корму иметь можно»[\[29\]](#). Таким образом, культурный ландшафт, представляется Г.Ф. Миллером как освоенная ещё с давних пор территория, весьма неравномерно удостоенная памятниками исторической древности. В «Описании...» практически отсутствует лирическая тема любования местными природными красотами, но ощущения сухости также нет, поскольку автор с самого начала берет на себя роль проводника, идущего по границе логически освоенного им мира. Спокойное и пластичное повествование может объясняться тем, что анализируемый текст был опубликован в 1756 г., то есть более чем через двадцать лет после путешествия. Многие чувства притупились, впечатления потускнели, но остались зафиксированные в авторском сознании и путевых записках **этнические маркеры и символы:**

Лирика, если в этом тексте вообще допустимо говорить об этом, содержится в тех отрывках, где автор дает антропологическую характеристику местным народам, в особенности представительницам женского пола. Примечательно, что для определения этнического образа, автор использует не просто традиционный в таких случаях сравнительно-сопоставительный подход, а вводит своего рода оценочные коэффициенты. Татары и Финны, словно два полюса, между которыми заключена антропометрия «трех языческих народов Казанской губернии». Г.Ф. Миллер пишет: *«Черемисы и Чуваши много походят на Татар...»*, *«А Вотяки могут уподоблены быть Финнам потому что волосы на голове и в бороде почти у всех рыжие, напротив чего у Черемисов и Чувашей оне большей части темнорусые»*[\[30\]](#). Интересно по каким признакам автор соотнес удмуртов и их дальних языковых родственников, живущих в отличие от татар за тысячи километров от исследуемого региона? Рост, цвет и форма глаз - все является подчиненным по отношению к доминанте, которой выступает цвет волос. Следующая сентенция автора, касающаяся этнического образа, происходит из сферы более этнопсихологической нежели антропометрической: *«У Вотяков примечается, что они пред прочими народами весьма упрямы и тем, равно как внешним видом, много сходятвуют с Финскими крестьянами»*[\[31\]](#).

Определяющими являются два структурно-оппозиционных блока, авторского утверждения о том, что *«мужской пол у сих народов носит платье почти такоеже как Русские крестьяне»*, тогда как женское платье серьезно дифференцировано по возрастным и статусным категориям. Данное наблюдение, подтвержденное затем не раз записками других

путешественников XVIII в., указывает не только на большой консерватизм женского костюма, но и на большую социальную мобильность мужского населения края, чья одежда раньше испытывает на себе процессы стандартизации и унификации. Тот факт, что неким усредненным образцом в воспроизводстве основных элементов мужского костюма чувашей, марийцев и удмуртов становится одежда русских крестьян, может также интерпретироваться в качестве проявления этнической мимикрии, связанной с желанием мужчин успешно функционировать в политически господствующей инокультурной среде. Выезд в город, на ярмарку, обращение к властям легче было осуществлять во внешней оболочке социальной благонадежности и, в формировании благожелательного образа одежда играла не последнюю роль.

Говоря далее о женской одежде, автор пишет, что наилучшее платье принадлежит замужним женщинам, но в качестве доминанты их облика, он однозначно выделяет головной убор, сравнительно-сопоставительному описанию вариантов, которого отведено едва ли не 2/3 всего текста главы. Женский головной убор в представлении Г.Ф. Миллера это не только этнодифференцирующий признак, но и важнейший элемент женской чести, без которого замужняя женщина не воспринимается как носительница наивысшего статуса в женской иерархии. Автор приводит любопытное наблюдение, сделанное им в удмуртских селениях: *«Дивиться должно, что при приезде к Вотьякам посторонняго человека, хотяи поздно ночью, однако жены их пробудившись от сна слезят с печи не в ином каком, как в вышепомянутом, головном уборе, что неоднократно случалось мне видеть»*[\[32\]](#). Кроме того, как явление типологического сходства, он подмечает протекание у трех описываемых народов обрядов перехода девушек в женское состояние, когда входе свадебной церемонии происходит торжественная замена круглой девичьей шапочки или платка на головной убор замужней женщины, чаще всего конусовидной формы. Пожалуй, самое оригинальное сравнение данного типа головного убора, встречающегося как у западно-финских, так и у восточно-финских народов, было сделано русским путешественником Ф.О. Туманским, работавшим в конце XVIII в. среди води и ижоры в Ингерманландии и проведшим такую аналогию: *«пайкас»* вожанок – *«шапка подобныя гренадерским...»*[\[33\]](#).

Маркирование пищевых предпочтений населения края начинается автором с интригующего высказывания о том, что больше всего любят они лошадиное мясо[\[34\]](#). Чем можно объяснить такой оборот, нет ли здесь

элемента завораживающей непосвященного читателя пугающей экзотики? Для народов, издавна ведущих оседлый образ жизни и традиционно земледельческое хозяйство, правда, с изрядной долей присваивающих элементов и лесных промыслов, эта форма питания выглядит на первый взгляд не совсем логично. Думается, что ответ заключен в последующих отрывках, где автор указывает: «Свиной хотя по примеру татар обыкновенно у себя не водят, однако бывая в городах, свиной у русских есть не отрицаются. А вотяки и охоту к свинине оказывают...»[35]. Известное в Европе ещё с давних пор понимание всех восточных владений России как Великой Татарии не могло не повлиять на мировосприятие Г.Ф. Миллера, использующего параметры татаро-мусульманской культуры в качестве основного сравнительного элемента системы жизнеобеспечения, описываемых этнических общностей региона. В этом случае удмурты менее склонные придерживаться пищевого запрета на свиное мясо, видятся им как народ в наименьшей степени испытавший тюркское влияние. Что касается подчеркнутой склонности к употреблению лошадиного мяса, то некий намек на происхождение этого обычая, автор дает в главах посвященных языческому культу, в частности, в отрывках описывающих обряды жертвоприношений предпочтительным жертвенным животным выступает лошадь. Культ коня с давних пор распространенный среди народов Волго-Камья за долгие годы своего существования, вероятно, приобрел и бытовые реминисценции, касающиеся пищевых и вкусовых предпочтений, не исключая, впрочем, возможные инновации со стороны тюркской традиции[36].

В поисках местной истории:

Впервые столкнувшись с практически полным отсутствием, привычных ему, письменных текстов, за исключением довольно скудной архивной переписки, Г.Ф. Миллер осознает, что весь прежний опыт неэффективен и это расшатывает его уверенность. Признаться себе в этом трудно, поэтому автор с горечью восклицает: «Все сии народы препровождают житие свое в крайнем невежестве. Нет у них ни писем, ни книг...»[37]. Он все ещё пытается удержаться в рамках профессиональной традиции ученого-эрудита, заранее предполагающего знание, цитирование и комментирование письменных памятников древности и сочинений предшественников[38]. Неслучаен интерес Миллера к надписям на татарском и армянском языках, обнаруженных им на развалинах столицы древнебулгарского государства[39]. А, также пристальное внимание к трудам предшественников

– итальянца А. Гванини, голландца Н. Витсена, и в особенности – немецкого дипломата А. Олеария и шведского военнопленного Ф.И. Страленберга, в разное время побывавших в Восточных областях России.

Мы видим здесь ученого – представителя книжной культуры, оказавшегося в нестандартной исследовательской ситуации «акустической экзотики». Видим путника ищущего «подсказки», которые придают ему уверенность в дальнейшем движении. Вместе с тем, необходимо отметить, что присущая Г.Ф. Миллеру острота исследовательского чувства, в данном случае не препятствовавшего развитию в тексте «Описания...» общей модели рациональности, позволила ему понять, что успех научного предприятия часто зависит от умения работать в пограничных областях знания, совсем не обязательно привязанного к широким историографическим обобщениям.

Миллер, довольно неумело скрывая постигшую его неудачу в попытках собрать местные исторические предания, пишет: *«Сперва думал было я получить от них какая нибудь хотя неясные и с баснословными обстоятельствами смешанные известия о состоянии их в древние времена, о происхождении их, о прежних их жилищах, о бывших у них войнах, и о прочем, что надлежит до их истории: но без успеха»*^[40]. Причинами своей неудачи он видит консервативно устроенные механизмы передачи исторической памяти, отвергающие все, что не связано с «языческим законом»^[41]. Но далеко не с первого взгляда и, наверное, даже не со второго, открывается полевому исследователю сложный и многослойный мир религиозных верований и мифологических представлений этноса.

Заслуга и пионерская позиция Г.Ф. Миллера в освещении этого сюжета заключается в том, что он попытался вдумчиво подойти к выявленному им краеугольному камню региональной этничности (рассмотрение дохристианских обычаев и обрядов марийцев, чувашей и удмуртов занимает около 60 % в объеме текста «Описания...»). Пусть его дескрипция излишне схематизирована, под общим влиянием избранной компаративной модели: *«У всех трех языческих народов языческой закон один, и обряды притом почти сходны»*^[42], в целом она не препятствует развитию основной авторской мысли, к которой Г.Ф. Миллер исподволь приводит заинтересованного читателя. Местная история кардинальным образом отличается от модели принятой в европейской традиции. Это не текст хронографа или послания, это текст живого разговорного языка, текст религиозного обряда и, наконец, это текст этнографического факта и

артефакта. Постигание местной истории невозможно осуществить лишь силой разума, поэтому встреча с живой фольклорной и этнографической реальностью чрезвычайно важна для человека науки, давая ему, возможность почувствовать себя первооткрывателем, казалось бы, уже давно известных истин и, возвращая способность, восприимчиво относиться к окружающему миру[43].

БИБЛИОГРАФИЯ:

[1] Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири //Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1937. С. 13–14.

[2] Там же. С. 14.

[3] Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Культура, 1993. С. 190.

[4] Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 14.

[5] Автобиография. Описание моих служб //Миллер Г.Ф. История Сибири. т. 1. М.-Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1937. С. 147.

[6] Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР (1724 – 1917). М.: Наука, 1977. С. 73–74.

[7] Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 16.

[8] Предисловие Г.Ф. Миллера к русскому переводу «Истории Сибири» //Миллер Г.Ф. История Сибири. т. 1. М.-Л.: Изд. Акад. Наук СССР, 1937. С. 159.

[9] Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб. С. 149.

[10] Цит. по: Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири. С. 22.

[11] Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. С. 61.

[12] Косвен М.О. Г.-Ф. Миллер (К 250-летию со дня рождения) //Советская этнография, 1956. № 1. С. 73–75.

[13] Гуя Я. Древнейшие сведения о финно-угорских народах и первые шаги в их изучении //Советское финно-угроведение, 1987. № 2. С. 128–130.

[14] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков //Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. СПб, 1756. (июль) С. 33–64., (август) С. 119–145.

[15] Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб. С. 151.

[16] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков. С. 34.

[17] Токарев С.А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). М.: Наука, 1978. С. 108.

[18] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. С. 160.

[19] Барт Р. Нулевая степень письма //Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 315.

[20] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 36.

[21] Там же. С. 37.

[22] Там же. С. 37.

[23] Там же. С. 38.

[24] Там же. С. 39.

[25] Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. С. 82–85.

[26] Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 275–283.

[27] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 40.

- [28] Там же. С. 39.
- [29] Там же. С. 38–39.
- [30] Там же. С. 41–42.
- [31] Там же. С. 43–44.
- [32] Там же. С. 47–48.
- [33] Шлыгина Н.В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 215.
- [34] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 49.
- [35] Там же. С. 49.
- [36] Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. М., 1933. Вып. 100. С. 251–280.
- [37] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 54–55.
- [38] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 308.
- [39] Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 36.
- [40] Там же. С. 55.
- [41] Там же. С. 55.
- [42] Там же. С. 119.
- [43] Загребин А.Е. Полевая этнография: история – теория – практика. Ижевск: Изд. УдГУ, 2003. С. 101.